

ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСАНДР НОСОВ

Первые грамоты Героев Советского Союза доверили перевести с рисунка художника на литографский камень комсомольцу Саше Носову. Прилежный, вдумчивый ученик радовал старых гравировальщиков фабрики Гознак.

Носов работал с душой: и глаз был зоркий, и рука верная. Когда делали почтовые марки, посвященные Пушкину, Носов читал старым мастерам чудесные стихи поэта. Когда делали марки, посвященные спасению челюскинцев, он рассказывал товарищам о тайнах Ледовитого океана, о покорении русскими людьми суровой Арктики.

С ним работалось веселей, как с песней. Сашу любили в граверном цехе. И он любил этот таинственный цех, где рождались новые деньги, марки, драгоценные гравюры для избранных книг.

И все же тесным для жизни казался комсомольцу Носову этот уютный цех. Воспитываясь в пионерской и затем в комсомольской организации, Носов мечтал о более активном участии в строительстве нового мира, о славных подвигах во имя родины. И когда вырезал на камне грамоты для первых героев, невольно мечтал быть таким же бесстрашным воином и сильным человеком.

Он был небольшого роста и хрупкого сложения. Друзья рассмеялись бы, узнав про его мечты. Родной отец подтрунивал над ним, когда Саша стал похаживать в аэроклуб.

— Слабоват ты для летчика, хватки у тебя мало.

Отец работал на авиазаводе и считал себя знатоком в самолетах и в летчиках.

Саша смущался и в ответ только крепче принимался за гимнастику. Отец был несколько озадачен, когда Сашу в числе лучших приняли в военную авиашколу.

Мастер по сборке самолетов, Андрей Михайлович Носов старался внушить сыну уважение к машине, втолковать ему, что современный самолет — это сгусток передовой техники, это сложнейший механизм. Он любил рассказывать о том, что такое самолет. И по-своему, по-рабочему любил начать с того, чтобы удивить непосвященных:

— Самолет — это легко выговорить: са-мо-лет. А ты знаешь, что в нем одних лишь проводов тридцать километров?

Надо сказать, что Александр Носов на всю жизнь усвоил уважение к машине, в которую вложено громадное количество человеческого труда. Никто бережней его не относился к самолету. На войне он не разбил и не повредил ни одной машины. Он приводил их целыми, несмотря на множество боевых пробоин. Сажал мягко и аккуратно, не покидал, не проверив вместе с воентехниками и мотористами состояния самолета.

Вырвавшись из самого адского огня противника, его машина после небольшого ремонта снова летела в бой.

Товарищи не боялись доверить ему свои машины для сложных охотничьих полетов в одиночку. Товарищи говорили:

— У Носова машины ведут себя умно: они обходят снаряды.

И верно, Носов лучше других постиг опасное искусство штурмовика. А все это искусство в конце концов сводится к тому, чтобы поразить врага, а самому остаться целым.

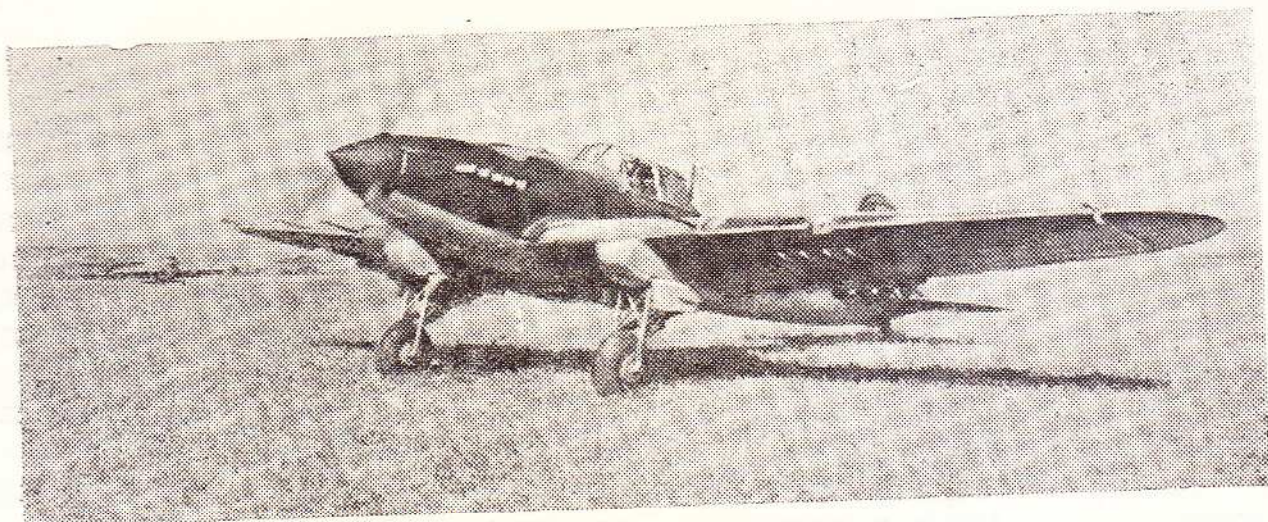
От многих самоуверенных и задорных отличало Носова то, что он умел думать. Напористость, дерзость, отличная техника пилотирования — все это необходимо штурмовику. Но если он воюет бездумно и бесхитростно, он, вероятно, сократит свою боевую жизнь.

Не случайно, что из многих геройских и сильных летчиков полка первым достиг шестидесяти боевых вылетов именно такой не видный на взгляд и скромный Александр Носов. Его победы зарождались в тесной деревенской избе, при свете керосиновой лампы, над картой маршрута. Так же внимательно, как в граверном цехе, он склонялся над сложным рисунком карты, обдумывая боевой полет. Его зрительная память была так сильна и тренирована, что он наизусть знал все леса и перелески своего фронта, все извилины рек и оврагов, всю путаницу дорог. Как хороший шахматист, он продумывал игру на много ходов вперед, учитывая не только свои возможности, но и возможности противника.

Особенно он занимался подходом к цели и отходом от нее. От этих двух элементов зависит успех. После второго десятка вылетов он приобрел такой опыт, что при любом срочном задании с первых же слов командира быстро схватывал идею операции и создавал план исполнения. Набирая высоту, он уже знал, каким ключом действовать, какой ход применить.

Разведка донесла: по дороге к фронту вышла из города автоколонна в сопровождении броневиков и танков. По приказу командира лейтенант Носов идет ведущим. Местность холмистая. Дорога, сбегая с одного холма, поднимается на другой. В долинах — мостики через ручьи. На холмах стоят фашистские зенитные батареи, охраняя этот важный и очень уязвимый из-за мостов участок дороги.

Как лучше напасть на колонну? Кажется, что очень выгодно штурмовать колонны прямо вдоль дороги, с хвоста или с головы. И все же Носов принимает решение разъединиться с товарищами и первый

Гроза фашистских танков — советский штурмовик.

заход делать на низких высотах, нанося удар по мостам. При втором заходе опять выходить к мостам, бить по скоплению машин, но уходить не прежним путем, а перетянув над дорогой через холм. Носов оказался прав: при первом заходе фашистские зенитчики не смогли открыть огня с холмов в долины, боясь поразить своих. При втором заходе штурмовиков зенитчики ждали повторения маневра, но ошиблись и пропустили время для прицельной стрельбы.

Нанеся колонне большой ущерб и задержав ее продвижение, штурмовики вернулись не только без потерь, но даже без пробоин.

Вылетая на штурмовку мото-мехколонны, Носов предпочитал нападать с хвоста, зная, что в движении всегда внимательнее смотрят вперед. Вылетая на обозы, Носов предпочитал нападать в лоб, сбивая и поднимая на дыбы лошадей, создавая давку и панику.

Зная скорость движения пехотных, танковых и конных колонн, он всегда рассчитывал, сколько они могут пройти с момента их засечки до его прилета. По этому расчету он даже без лидера мог точно выйти на колонну.

Кроме того, он знал места, удобные для штурмовки, и предпочитал сделать более дальний заход, дать время колонне втянуться в узкое облюбованное им дефиле, чтобы разбить ее как следует, не дать разбежаться.

Однажды он застиг фашистский поезд на подъеме. После нескольких попаданий бомб поезд разорвался, и часть вагонов, покотившись под уклон, разбились в щепы.

Постоянно угощать врага чем-нибудь новым и неожиданным — любимое занятие Носова. От истребителей он уходит обычно бреющим полетом, используя лес и холмы. Но иногда разворачивается и идет в атаку, обрушивая на врага могучий огневой таран штурмовика. Он все время думает, изобретает. Когда нужно, Носов упрям. Уж если дело пошло на выдержку, тут его не обойдешь!

Недавно его послали для удара по вражеским резервам. Лейтенант знал, что по дороге к фронту едут фашистские молодчики прямо из Франции. Кому-кому, а уж этим-то надо сбить спесь! Да так, чтобы они сразу разуверились и в своих зенитках и в автоматах и дрожали бы при появлении штурмовика. Движимый такими «педагогическими» мотивами, он ударил по колонне прямо с головы. Потом зашел с хвоста. Потом снова с головы. При подходе Носов заметил двух стервятников, охраняющих фашистских головорезов в пути. Фашистские самолеты понеслись за ним, они осыпали его градом свинца. Носов, не обращая внимания, «утюжил» колонну. А когда подошли к концу боеприпасы, он развернулся на фашистские самолеты, отогнал их и, пройдясь еще над колонной, покачал крыльями: «До следующей встречи, фрицы!»

Конечно, в самолете оказалось много пробоин. Носов с трудом дотянул до родного аэродрома.

Он доложил командиру все, как было, и в оправдание чрезмерного риска добавил:

— Понимаете, товарищ майор, из Франции приехали! Будь это обычная колонна — дело другое.

За время войны Носов стал шире в плечах, вырос, возмужал. После двадцати вылетов он вступил в кандидаты партии. А когда его приняли в партию, Носов имел шестьдесят три вылета. Но жалко комсомольцам отпускать его на партийную работу, и до сих пор Носов ведает в полку комсомольскими делами.

Недавно он получил от отца письмо. Старик за время войны тоже вырос: теперь он собирает богатырские «Ил-2». И, вспоминая старого мастера и его любовь к крылатым машинам, Носов гордится тем, что он за шестьдесят три вылета ни разу не повредил самолета. Когда его спрашивают, почему так сохранна у него машина, он в шутку отвечает:

— Отец собирает, а я берегу.

Старые граверы с Гознака могут быть довольны своим учеником. За шестьдесят три успешных штурмовых вылета Носов уничтожил не меньше тысячи фашистских солдат и офицеров, разбил и сжег больше двухсот автомашин, два железнодорожных эшелона, шестнадцать самолетов. И, может быть, скоро придет время, когда ему будет вручена красивая золотая грамота Героя Советского Союза, такая же, как и те, которые он переводил некогда с рисунка художника на литографский камень.